

ЧЕЛОВЕК ОСТАЕТСЯ С ПЕСНЕЙ

Независимая газ.
1999. — 27 февр. — с. 7

Академик Островский — о своем отце композиторе Островском

Михаил Островский

ДВАДЦАТЬ пятого февраля 1999 г. исполнилось бы 85 лет со дня рождения композитора Аркадия Островского. «Песня остается с человеком»... Остались еще «Спят усталые игрушки», «Пусть всегда будет Солнце!», «А у нас во дворе» и много других хороших песен. Они звучат сейчас как приметы времени: конца сороковых, пятидесятых, шестидесятых...

Отец попал в джаз Утесова перед самой войной, в 39-м, после «Веселых ребят», на пике утесовской славы. Отцу было двадцать пять. В музыкальном Ленинграде он был известен как отличный пианист, аккордеонист, джазовый импровизатор. Попасть к Утесову было чудом. История эта, обрастая подробностями, превратилась в семейную легенду...

Отец был музыкантом от Бога. Его отец — Илья Ильич Островский, всеми уважаемый в Ленинграде музыкальный мастер и настройщик роялей, — сына музыке не то чтобы выучил, а именно «настроил». Тончайший слух и поразительная интуиция были у отца не только к музыке, но и к настроению людей, особенно детей. Не случайно его «Спят усталые игрушки», писавшиеся, так сказать, пять минут и всю жизнь, звучат каждый вечер вот уже тридцать пять лет! Отец знал и чувствовал оркестр. Его оркестровками восхищались. Утесовский оркестр исполнял его большие инструментальные фантазии, миниатюры, транскрипции популярных мелодий. Прелесть многих песен зрелого Островского в виртуозных оркестровках, неожиданных музыкальных проигрышах. Отец уловил естественное для послевоенного времени настроение людей: прикоснуться к мирной жизни. Клавдия Ивановна Шульженко с огромным успехом пела его «На веселый студенческий ужин собрались мы сегодня, друзья...», а позже «Я люблю тебя, мой старый парк...», стилизованный под старинный русский романс — опасный жанр для сороковых—пятидесятых! В воспоминаниях «Когда вы спросите меня» она писала: «Мне кажется, именно его первая песня о студентах — «Студенческая застольная» — и принесла ему известность. Во всяком случае, меня он в шутку называл «крестной матерью своего самого удачного ребенка». Титул этот я получила в день премьеры «Студенческой застольной» — «крестин», как обычно говорю».

Утесовский оркестр был эстрадной, оркестровой и песенной консерваторией Аркадия Островского, Утесов — «крестным отцом», Шульженко — «крестной матерью». Сам он стал «крестным отцом» нескольких исполнителей, и в первую очередь Иосифа Кобзона.

В детстве я вел дневник. Вот запись от 22 сентября 1947 года:

Композитор Аркадий Островский в гостях у работницы ЗИЛА.
Фото ИТАР-ТАСС

«Папа ушел из джаза Утесова и занялся композиторской работой. Жаль, что ушел, но так надо. Может быть, папа станет известен, как Дунаевский». И в лучшие-то времена уйти от Утесова было бы неразумно, а в сорок седьмом — и вовсе безумным шагом. Начались вольные и голодные хлеба. Вот еще одна моя запись: «5 января 1948 года. Уже четыре месяца, как папа не работает в джазе Утесова. На радио идет его композиция «Над великою русской рекой» Фрадкина и Островского. Дела папы неважные. Приехал из Ленинграда Утесов, и сегодня директор джаза позвонил папе и предложил обратно идти в джаз Утесова. Мама категорически против...» Мы жили тогда переживаниями: «вернуться — не вернуться». Жили в восемнадцатиметровой комнате коммунальной квартиры голодно, дружно и как-то азартно. Сидя на «вольных хлебах», отец бешено работал. И тут руку дружбы и слова для песен протянул Лев Иванович Ошанин. И началась их работа и дружба, перемежавшаяся яростными спорами и ссорами. После смерти отца, в 67-м, Лев Иванович вообще долго не мог писать песен, да и потом если и писал, то совсем мало. А тогда они написали сразу несколько, и одна, по критериям сорок восьмого года, попала в точку: «Комсомолцы — беспокойные сердца! Комсомолцы всё доводят до конца...» Она стала «знаковой», приметой того времени. Понадобились годы и годы, чтобы возможными и «знаковыми» для зрелого Островского стали лучшие песни шестидесятых — «Песня остается с человеком», «Как провожают пароходы», «Голос Земли» (отец пытался назвать ее «Молитва Земли»), «Песня любви», «Пусть всегда будет Солнце!», «А у нас во дворе» и, вообще, весь этот замечательный, неореалистический

«дворовой» цикл. Их пели лучшие исполнители: Иосиф Кобзон, Муслим Магомаев, Эдуард Хиль, Майя Кристалинская, Юрий Гуляев, Гелена Великанова, Тамара Миансарова, позже — Валентина Толкунова.

В детстве мне казалось, что школьные песни отец пишет как бы для меня. И до сих пор от «Школьной польки» у меня шемит сердце. Помню, как отец донимал Ошанина по поводу первой строчки: «Ничего себе: «Хороша сегодня школа — зал горит огнем», — Лева, это же пожар!» Но так и осталось.

Отец любил детей, хотел писать для них и, главное, стремился, чтобы им было удобно петь. Зоя Петрова, соавтор многих его песен для малышей, вспоминает, как в 1963 году им заказали в детской редакции телевидения песенку для малышей, чтобы она звучала после вечерней сказки на сон грядущий, и как эту песенку потом принимали: все без исключения считали, что для колыбельной она не подходит: и сложная, и недетская, и вообще фокстрот, под нее скорее танцевать, чем спать. «Давайте попробуем еще поработать», — сказал музыкальный редактор, мягко улыбаясь. «Может быть, другой вариант будет более удачным. Аркадий Ильич улыбнулся в ответ, но слова его прозвучали совершенно для всех неожиданно: «А другого варианта не будет. Она останется такой, как есть. Дети ее легко запомнят, легко споют и будут очень любить». Это было совершенно нехарактерно для отца — проявить такую твердость. И вот 35 лет запоминают, поют и любят дети эту песенку «Спят усталые игрушки». Сейчас отчетливо видно, какие взрослые и детские песни, тоже ставшие взрослыми, остались. Сила отца была в искренности — и в музыке, и в жизни.